

УДК 316.74:001

А.М. Пономарев

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ НА НАУЧНУЮ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Цель исследования – анализ социально-культурных истоков новой идеологии научного учреждения, которая реализуется в современной версии глобальности. Предметом исследования являются трансформация социальной реальности и ее следствия для научного познания. Исследование ориентировано на модальную методологию, разработанную Д.В. Зильберманом.

В статье затрагиваются вопросы трансформаций в современном обществе и их влияние на изменение статуса научной рациональности. Направление трансформации современного общества характеризуется как переход от современного общества к *пост*обществу. Эта трансформация связана с изменением культурной традиции, которая проявляется среди прочего в изменении типа личности. Преобразования культурной традиции приводят к преобладанию технологической рациональности в формирующемся обществе. Изменения также затрагивают исследовательский университет как основную организационную форму, обеспечивающую государственную и национальную культуру и воспроизводящую научную рациональность. Сделан вывод, что научная рациональность маргинализирована в обществе организационной и функциональной эффективности.

В заключении статьи рассмотрены системные эффекты изменения типа социальной рациональности, направление трансформации научной рациональности, изменение институционального дизайна производства научного знания в современном обществе.

Ключевые слова: социальное изменение, социальная рациональность, научная рациональность, научное познание, технологическое познание, исследовательское учреждение, традиция, тип личности, социология знания.

Теоретическая рамка

Состояние современного общества точнее всего описывается словами «переход», «трансформация». Ключевое изменение этого общества исследователи описывают как переход к постиндустриальному обществу с постмодернистской культурой и постдемократическим политическим режимом. Это же общество характеризуется как общество массовых коммуникаций и массового потребления. Это общество «текущего модерна», опирающееся на новый информационно-цифровой технологический уклад, базисом которого выступает взаимодействие с искусственным интеллектом. В формировании современного общества, интенсификации процессов его изменения одна из ведущих ролей принадлежит научно-техническому комплексу. Знание, информация, их производство стали частью производительных сил; в этом смысле современная экономика стала экономикой знаний. Естественно, что вся совокупность перечисленных изменений не может не сказываться на социальной и научной рациональности.

Изменения, происходящие в современном обществе, столь масштабны, что корректнее говорить о трансформации общества как такового, об изменении самой культурной традиции этого общества¹. В данном случае речь идет о культурной традиции в том понимании, которое было разработано Д.В. Зильберманом. В этом понимании Д.В. Зильберман исходит из определения традиции Ю.А. Левадой в качестве механизма «...воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконяется самим фактом их существования в прошлом» [1. С. 253] и дает свое уточнение ее «...сущности... как социального механизма, то есть способа воспроизводства институтов и норм в непосредственном взаимодействии индивидов, групп, организаций и т. п.; как предметного содержания того, что передается при таком взаимодействии...; и как особого подхода к социальной действительности и культуре ..., ..., обоснования, оценивания институтов и норм и даже всей системы общественных отношений в связи с известными фактами их существования в прошлом, прежде всего за счет избирательного взгляда на культуру» [2. С. 29]. Другими словами, речь идет о своеобразном социальном институте институционализации, благодаря которому воспроизводится и конкретность социальности и ткется непрерывная ткань культуры.

¹ Речь идет о трансформации всей социальной тотальности: превращения претерпевают все функциональные сегменты, все культуры. Но в контексте данных тезисов затрагивается только один аспект – переход от традиции новоевропейского общества к традиции массового общества в их трактовке Д.В. Зильберманом, а также возможные последствия этого перехода для научной рациональности.

С позиции такого понимания культурной традиции текущая трансформация общества может быть представлена как переход от новоевропейской культуры к массовой культуре. Первое общество – это общество, культура которого связана с процессом становления находящейся в истории личности, с проявлением индивидуальности в длящемся эффекте во времени и ее точечной локализацией; это общество, традиция которого связана с аксиологическим мышлением и которую можно обозначить как научно-историческую. Второе общество – это общество, в котором ключевая роль принадлежит массовой коммуникации, которому соответствует феноменологический стиль мышления.

Направленность изменений

Нововременная история культуры Европы завершилась тем, что индивид отождествил свою историческую ипостась с идеей организации: «...организация начинает ... представлять собой личность в принятии решений и выделенности в институциональном плане; индивид же возвращается к случайности аномического пребывания» [2. С. 512]. Переход к массовому обществу заключается среди прочего в том, что индивидуальность проявляется теперь не в длящемся во времени эффекте, а «...в мгновенном действии, ... в прихоти самовольного поступка». Это общество предполагает трансформацию любой традиции в систему отсылающих друг к другу знаков и их спонтанный перебор индивидом. Результат такого перехода Д.В. Зильберман оценивает следующим образом: «Эффект этого довольно странен: две нормы, две культуры, два плана личного сознания, то есть как бы онтологизированный “шизоидный” эффект» [2. С. 513].

Странная двойственность затрагивает не только план личного сознания; сегодня она фактически реализуется в теле социума. Несколько в ином контексте А.П. Огурцов констатирует формирование двух типов личности, которые различаются по большинству параметров, в том числе – по рациональности. С одной стороны, «...большая часть населения бежит ... от свободного выбора, стремясь раствориться в толще упорядоченных и высоко рационализированных социальных практик, общепризнанных и ставших рутинными образцов деятельности» [3. С. 457]. С другой стороны, «возникает востребованность нового типа личности ..., [которая] вынуждена искать ... для своей идентификации “самореферентное определение”. ... [для которой] важна роль самонаблюдения, саморегуляции и рефлексивного самоотчета в актах самореализации» [3. С. 457, 458]. Но, будучи «ничтожно малой частью населения», и этот тип личности остается частью общества, в котором организация «представляет личность в принятии решения»; если массовый тип личности, воспроизводя рационализированные практики, воспроизводит аномию и иррациональность, то активный тип личности, производя проективно-рефлексивную рациональность, реализует себя «в прихоти самовольного поступка». Антропологическая ловушка захлопнулась; человечество оказалось в социуме организационной и функциональной эффективности.

Трансформация научной рациональности

Этот тип общества по своей природе ориентирован на технологическое познание, которое по целому ряду факторов (например, по общей картине мира, направленности, логике как типу устанавливаемой в материале связи, механизму реализации, условиям формирования, уровню рациональности, целеполаганию, временной перспективе и координатам, пространственным перспективам, используемым языкам, способам использования и т. д.) отличается от научного познания. «В отличие от обычных научных знаний типа ЧТО технологическое знание есть знание типа КАК» [4. С. 17, 21]. Оно встроено в прагматику ситуации, есть результат алгоритмизации различного по своим источникам знания. «Суть технологии состоит в применении знаний на практике для производства предметов потребления с целью изменения, совершенствования и контролирования условий жизни». Технологичное познание, связанная с ним рациональность телеологичны, структурированы целью, замыкающейся в конечном счете на организационно-функциональную эффективность. «Технология связывает цели, материальные средства и упорядочивает деятельность субъектов или факторов по достижению определенной цели» [4. С. 32]. Но в формирующемся обществе это не столько цели внутри технологии как организованной социальной деятельности. В новой социальной ситуации приходится говорить «...о наличии внешней по отношению к технологии цели. Это цели субъекта или организации» [4. С. 98]. Описанный процесс затрагивает и научное познание. «Во всех областях научного знания ... возрастает удельный вес технологической компоненты» [3. С. 460], – отмечает А.П. Огурцов.

Однако действительная проблема заключается в том, что деконструируются «субъект или организация», чьей целью являлось бы научное познание. Последнее связано «...с тем, что, собственно, представляет собой специфику рациональности науки как формы рационального познания, а именно: наличие концептуального аппарата, моделирование реальности в системе понятийных конструкций, надстраивающихся над обыденными представлениями о мире» [5]. Получение такого знания, воспроизводство рационального познания связаны с экспериментом, лабораторией, т. е. с соответствующей организованностью; знание, получаемое внутри такой организации, освобождено от задач вне науки [6]. В новой европейской истории основной формой такой организации стал исследовательский университет² – институциональное обеспечение референциальной для национального государства культуры.

В новой ситуации, как показывает Б. Ридингс, кардинально изменяется институциональный дизайн получения нового знания. В новых условиях проблематичным становятся как само понятие исследовательского проекта, так и производство знания; вопрос о том, «что именно преподается или производится в качестве знания, становится все менее значимым» [7. С. 27]. Дискурс культуры, центральными ценностями которого является автономность и самодостаточность знания, сменяется дискурсом совершенства. Со ссылкой на А. Блюмма Б. Ридингс резюмирует складывающуюся ситуацию словами о том, что «...автономия знания как самоцели находится под угрозой, поскольку больше не существует субъекта, способного воплотить данный принцип», «производство знания больше невозможно» [7. С. 18, 34]. Результатом трансформации является превращение исследовательского университета, ключевыми фигурами которого являются студент, аспирант, профессор, в экономически эффективную корпорацию, ключевое место в которой занимает администратор, а профессорско-преподавательский состав подвергается пролетаризации. И глобализация, как современная версия глобальности, характеризуется внедрением именно новой идеологии научного учреждения и ее институциональной инсталляцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левада Ю.А. Традиция // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. 742 с.
2. Зильберман Д.В. К пониманию культурной традиции. М.: ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»; Политическая энциклопедия, 2015. 623 с.
3. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы: в 3 частях. Часть вторая. Философия науки в социокультурной системе. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. 495 с.
4. Подшивалкина В.И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. Кишинэу: Центральная типография, 1997. 352 с.
5. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=541&Itemid=55 (дата обращения: 30.10.2017).
6. Глой К. Проблемы последнего обоснования динамических систем // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 94-105.
7. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

Поступила в редакцию 30.01.2019

Пономарев Алексей Михайлович, доктор философских наук,
директор Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН
ФГБУН «Институт философии и права УрО РАН», Удмуртский филиал
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: amp08@mail.ru

A.M. Ponomarev

THE EFFECT OF TRANSFORMATION OF SOCIAL RATIONALITY ON SCIENTIFIC RATIONALITY IN MODERN SOCIETY

The purpose of the study is to analyze the sociocultural origins of a new ideology of a scientific institution, which is implemented in the modern version of globality. The subject of the research is the transformation of social reality and its consequences for scientific knowledge. The study is devoted to the modal methodology developed by D.V. Zilberman.

² В некоторых случаях – Франция, СССР, – эта организационная форма приобретала вид Академии наук как совокупности исследовательских институтов.

The article touches upon issues of the transformations in modern society and their impact on the change in the status of scientific rationality. The direction of the transformation of modern society is characterized as a transition from a modern society to a "post" society. This transformation is associated with a change in the cultural tradition, which manifests itself, among other things, in the change in the type of personality. Transformations of cultural tradition lead to the prevalence of technological rationality in the emerging society. The changes also affect the research university as the main organizational form that provides the state and national culture and where scientific rationality is reproduced. The conclusion is that scientific rationality is marginalized in a society of organizational and functional effectiveness. In the end the article discusses the systemic effects of changing the type of social rationality, the direction of transformation of scientific rationality, as well as the change of the institutional design of the scientific knowledge production in modern society.

Keywords: social change, social rationality, scientific rationality, scientific knowledge, technological knowledge, research institution, tradition, personality type, sociology of knowledge.

Received 30.01.2019

Ponomarev A.M., Doctor of Philosophy, Director
The Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurt branch
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: amp08@mail.ru